

КЛАССИФИКАЦИЯ ЭГОЦЕНТРИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ЯЗЫКА СКВОЗЬ ПРИЗМУ АНАЛИЗА ПЕРЕВОДНОГО НАРРАТИВА. ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЭГОЦЕНТРИКОВ

А.В. Уржа

Ключевые слова: эгоцентрик, нарратив, фокализация, перевод.

Keywords: egocentric word, narrative, focalization, translation.

DOI 10.14258/filichel(2019)4-04

К эгоцентрикам, или эгоцентрическим языковым единицам, принято относить «слова, грамматические категории, синтаксические конструкции, семантика которых подразумевает, в качестве одного из участников описываемой ситуации, говорящего» [Падучева, 2018, с. 17]. Такое определение касается, в первую очередь, канонической коммуникативной ситуации, в которой говорящий и адресат локализованы в одном и том же пространстве и времени и имеют общее поле зрения. В других ситуациях использования эгоцентриков, в частности, в нарративе, понятие говорящего становится условным и либо расширяется, включая субъект восприятия и сознания (Е.В. Падучева), либо заменяется на понятие «носителя точки зрения» (Б.А. Успенский, В. Шмид), «авторизатора» (Г.А. Золотова), «фокализатора» (М. Бал) и т.п. Поскольку отражение субъективности в языке – это его имманентная характеристика (А.А. Потебня, Э. Бенвенист), исследования эгоцентрических средств многочисленны и разнообразны, их истоки обнаруживаются еще в античной риторике, логике, средневековой гомилетике и экзегетике и т.п. В области филологической науки труды в этой сфере значительно опередили появление термина. Термин «эгоцентрический» (К. Бюлер, Б. Расселл), применявшийся сначала к средствам выражения дейксиса, постепенно расширил свое значение, конкурируя со словами «шифтерный» (отсылающий к участникам и обстоятельствам речевого акта) (Р.О. Якобсон) и «модусный» (воплощающий отношение мыслящего субъекта к представлению (диктуму)) (Ш. Балли), а также «модальный» (в самой широкой трактовке сближающийся с термином «модусный») (В.В. Виноградов). Все перечисленные понятия осмысливались как по отношению к семантике высказывания, так и по отношению к средствам, воплощающим ее в разных типах текстов. Постепенно обогащались классификации, призванные упорядочить смыслы, связанные с эгоцентрической сферой (Т.В. Шмелева), или

систематизировать сами эгоцентрики (Е.В. Падучева). Исследования эгоцентрии обратились от лексики и грамматических категорий к синтаксису и тексту (Т.В. Булыгина, Г.А. Золотова), объектом изучения стали эгоцентрические нули (незамещенные позиции субъекта в предложении, интерпретируемые в связи с определенным носителем точки зрения) и эгоцентрическая техника, то есть использование таких «значимых отсутствий» при конструировании перспективы текста (Н.К. Онипенко, Е.Н. Никитина).

Именно исследования разных типов текстов могут, на наш взгляд, помочь преодолеть некоторую атомарность существующих на данный момент объемных классификаций эгоцентриков, где каждая подгруппа слов, конструкций, грамматических категорий описывается отдельно. Показательным материалом для изучения взаимодействия эгоцентриков могут стать варианты переводных нарративов: как показывает анализ, при переводе значительное количество изменений в сфере эгоцентрических смыслов связано не с расхождениями языков, а с самой процедурой субъективной интерпретации текста переводчиком (как читателем) [Natim, Mason, 1997; Уржа, 2016]: сфера субъективных смыслов оказывается более подвижной, более активно перестраиваемой, более уязвимой, чем сфера смыслов объективных, диктумных (эта закономерность объединяет переводы с другими видами интерпретаций текста) [Кочкинекова, 2017]. При этом изменение одних эгоцентриков в ходе интерпретации текста затрагивает и другие. Как именно происходят такие взаимосвязанные изменения? Как осуществляется взаимодействие эгоцентриков в оригинальном тексте и его переводных вариантах? Цель данной статьи – опираясь на современные таксономии эгоцентриков, представить классификацию эгоцентрических средств, учитывающую прагматический эффект их взаимодействия в повествовательном тексте, а также проиллюстрировать ряд аспектов взаимодействия эгоцентриков, сопоставляя варианты русского перевода нарратива с англоязычным оригиналом.

К вопросу о классификации эгоцентрических средств языка

Разрабатывая инструментарий для исследования эгоцентрических элементов в переводных текстах, необходимо учесть данные классификаций, обобщающих и структурирующих соответствующие средства языка. Существующие в современной лингвистике таксономии можно отнести к нескольким типам. Первый упорядочивает эгоцентрические смыслы, реализуемые в языке, и сопрягает каждый из таких смыслов с основными средствами его реализации. Одна из авторитетных классификаций этого типа –

таксономия модусных категорий Т.В. Шмелевой (опиравшейся на концепции В.В. Виноградова и Ш. Балли), где с каждым из значений, реализующих определенный аспект модуса в высказывании, сопряжена группа лексических и /или грамматических средств. Актуализационные категории модуса, при помощи которых «говорящий устанавливает отношение содержания предложения к ситуации речи и к участникам общения» [Шмелева, 1983, с. 82], включают персонализацию, временную локализацию и пространственную локализацию. Кваликативные категории модуса позволяют говорящему проявить «свое отношение к событиям и информации о них» [Шмелева, 1983, с. 85]: это модальность, персуазивность, авторизация и оценочность. Социальные смыслы позиционируют говорящего по отношению к адресату в плане социальных, этикетных и т.п. условий их коммуникации. Т.В. Шмелева не ставит перед собой задачу исчерпывающим образом описать и структурировать средства выражения каждой модусной категории: характеристику получают только некоторые из них, наиболее типичные. Так, персонализация (установление отношения участников речевого акта к упоминаемым событиям) связывается в первую очередь с категорией лица глаголов и парадигмой личных и притяжательных местоимений. За рамками описания остаются определенно-личные синтаксические конструкции, разнообразные способы номинации не-участника речевого акта, проекции (в частности, случаи, когда говорящий называет себя, становясь на точку зрения адресата: *А вот и бабушка пришла!*) и т.п.

Важно отметить, что Т.В. Шмелева исключает из модусных категорий коммуникативный аспект организации высказывания и метатекст (в узком понимании автокомментария к организации текста) в силу их неоднородности с остальными субъективными смыслами. Тем не менее, эти сферы субъективности также определены и соотнесены с модусными категориями. В целом классификация в большей степени ориентирована на анализ отдельных предложений, а не текста, автор не касается несобственно-прямой речи и субъективированного нарратива, однако в работе применяется понятие перспективы, связываемое с тем или иным модусным смыслом, например, оценочным: *Меня поразило, как Модильяни нашел красивым одного заведомо некрасивого человека* (А. Ахматова). Таким образом, таксономия, выделяющая набор важнейших эгоцентрических значений и намечающая магистральные способы их реализации, открывает возможность для дальнейших структурированных описаний языковых средств разных типов, в том числе и в повествовательных текстах.

Второй тип классификаций формируется в результате противоположного движения исследовательской мысли: не от глобальных субъективных значений, а от специфических свойств эгоцентриков в определенном языке. Именно это направление было реализовано в работе Е.В. Падучевой «Семантика нарратива», где глава, посвященная эгоцентрическим средствам, включает развернутый реестр групп и подгрупп слов с «эгоцентрическим участником». Благодаря такому подходу в списке эгоцентриков появились неопределенные (*что-то*) и слабоопределенные местоимения (*одна <полячка>*) и соответствующие номинации (*незнакомый*), предикаты со значением сходства и подобия (*напоминал <Гоголя>*), показатели идентификации (*тот самый*), слова со значением неожиданности (*вдруг, внезапно, неожиданно*), предикаты внутреннего состояния (*жаль, чувствовалось*), релятивные номинации (*сестра <пришла>*) [Падучева, 1996, с. 276-284]. Особое внимание исследователя привлекли слова с «врожденным наблюдателем» (*белеть, раскинуться, маячить, звенеть, пахнуть*), круг частей речи которых расширился в более поздних исследованиях. Наряду с метатекстом (*во-первых, итак*) выделены так называемые обобщающие «врезки» (*как часто бывает*), эгоцентрический компонент выявлен в сфере использования союзов (*а, но*) и частиц (*же*).

Выделяя, наряду с речевым и гипотаксическим, нарративный режим интерпретации, Е.В. Падучева обращает исследование эгоцентрики к тексту. Особое внимание уделяется свободному косвенному дискурсу, где персонаж оказывается не только субъектом сознания, но и носителем несобственно-прямой речи, в рамках которой эгоцентрики используются в своих прямых значениях. В монографии 2018 года Е.В. Падучева выделяет более крупные «сферы эгоцентрического» в языке. Это дейксис, модальность, оценка, эвиденциальность и коммуникативная структура (тема-ремагическое членение предложения) [Падучева, 2018, с. 80]. Однако обобщение обнаруженных эгоцентриков не завершено, многие из отмеченных ранее групп слов, например, показатели идентификации или предикаты сходства и подобия, не могут быть однозначно отнесены к какому-то из перечисленных крупных направлений – они достаточно далеко отстоят и от сферы дейксиса, и от сферы эвиденциальности. Огромное количество слов с «врожденным наблюдателем» и «эгоцентрическим участником» также нуждается в дальнейшем структурировании. На данный момент все эгоцентрики разделяются на «жесткие» (не допускающие

использования в нарративном и гипотаксическом режимах без изменения значения) и «мягкие» (допускающие такое использование), и это деление «высвечивает» специфику использования конкретных эгоцентриков в повествовательных текстах. Подробному изучению подвергается и свободный косвенный дискурс, где используются оба типа эгоцентриков. Развернутые реестры эгоцентрических средств с подробными характеристиками позволяют исследователям проводить более тонкий, детальный анализ материала, оставляя при этом возможность разнообразной группировки изучаемых элементов.

К третьему типу классификаций мы отнесем группировки, основанные на изучении эгоцентрики в текстах, систематизирующие не единицы языка, а речевые явления. Активно обсуждаемая таксономия эгоцентрических нулей Н.К. Онипенко основывается на функционировании в тексте предложений с «незамещаемыми синтаксическими нулями» (конструкций, традиционно называемых односоставными), а также предложений с «незамещенными синтаксическими нулями» (то есть эллиптических построений). Исследуя эгоцентрическую технику в тексте как использование «значимых отсутствий», ученый фокусирует внимание на тех словах и конструкциях, «которые без местоимения Я и аффиксов 1-го лица осмысливаются в связи с Я-модусной рамкой», то есть трактует эгоцентрики более узко [Онипенко, 2013, с. 111]. Н.К. Онипенко различает эгоцентрические нули с дейктическим (определенно-личным) и кванторным (неопределенно-личным, неопределенно-предметным и обобщенно-личным) значением. В целом классификация эгоцентрических элементов языка предполагает две крупные группы: диктальные эгоцентрические средства (то есть разнообразные способы отображения динамики / статики наблюдаемого при динамике / статике наблюдателя) и модусные эгоцентрические средства (представленные в модусной части высказывания и отсылающие к субъекту речи и / или субъекту сознания) [Сидорова, Липгарт, 2018, с. 25, 28]. Выбранный ракурс исследования позволяет выявить и описать все нюансы наиболее сложной составляющей зоны эгоцентрики – синтаксических конструкций, модифицированных в конкретном тексте с учетом его специфической перспективы. Получают объяснение нестандартные, фразеологизированные синтаксические построения в рамках несобственно-прямой речи, приемы субъективизации, формирования «двуголосого слова» в повествовании. Таксономия эгоцентрических нулей ориентирована в первую очередь на реализацию персонального дейксиса, однако она затрагивает и временные, пространственные,

модальные смыслы. Именно взаимодействие разнообразных эгоцентрических смыслов при реализации синтаксических нулей, на наш взгляд, требует дальнейшего изучения.

Три перечисленных подхода не предполагают механического объединения. Исследование семантики и прагматики конкретных групп и подгрупп эгоцентриков не всегда дает возможность их четкого упорядочения относительно крупных «прототипических» зон эгоцентрии, а анализ использования таких средств в тексте выявляет сложные случаи их синкретизма, многозначности, изофункциональности и т.п., так что в итоге одно и то же языковое средство может оказаться в разных отделах таксономии. Так, например, неопределенно-личные предложения в ряде контекстов актуализируют определенный тип авторизации, указывая на способ получения информации (*За стеной пели*), поддерживают семантику невысокой степени уверенности (*Туда, кажется, вошли*), а в других ситуациях реализуют оценочные и дейктические смыслы, подчеркивая отчуждение деятеля от говорящего (*Говорят – а ты не слушай, говорят – а ты не верь*).

Однако, на наш взгляд, можно разработать таксономию эгоцентрических средств, ориентированную на решение определенных исследовательских задач. В нашем случае такой задачей является изучение взаимодействия эгоцентриков в нарративе, то есть анализ случаев, когда они «поддерживают» функции друг друга, конфликтуют, формируя противоречивый контекст, а также когда один эгоцентрик заменяет другой. Группируя эгоцентрические средства, мы относим к одной сфере те элементы, которые наиболее тесно взаимодействуют друг с другом в тексте. Поскольку материалом исследования являются только нарративы (от первого и от третьего лица), мы ориентируем нашу классификацию на анализ таких текстов, характеризуя соответствующим образом семантику и прагматику групп эгоцентриков. Важным для классификации станет также понятие «выдвижения» части текста на фоне остальных за счет аккумуляции эгоцентрических средств. Это явление описано в трудах зарубежных ученых, сформировавших «теорию первого плана и фона текста» (Theory of grounding) (см. обзор в [Уржа, 2018]). В качестве элементов, «приближающих» описываемые события к читателю, приобщающих его к созданной в тексте точке зрения, были выделены дейктические слова (К. Чвани), формы настоящего исторического, оценочная лексика (С. Флейшман), ментальные и перцептивные предикаты, показатели неожиданности (Н. Кояма). Учитывая результаты этих

исследований, мы также введем описание эффекта «выдвижения» в нашу классификацию.

Каждая из четырех основных сфер эгоцентрии организована скалярно и объединяет крупную группу средств, реализующих соответствующие значения (от одного обозначенного в названии сферы «полюса» до другого).

1. Рецептивные эгоцентрики (перцепция – интерпретация)			
Средства реализации	Семантика	Прагматика	Эффект выдвижения
Темпоральные и пространственные дейктики, лексика с «врожденным наблюдателем», средства выражения оценки и эмотивности	Восприятие мира с определенной точки зрения	Читатель приобщается к восприятию мира фокальным субъектом (повествователем или персонажем)	Усиливается ощущение присутствия читателем «сопричастия» в описываемых событиях
2. Эпистемические эгоцентрики (неполнота информации – полнота информации)			
Средства реализации	Семантика	Прагматика	Эффект выдвижения
Средства выражения персуазивности и эвиденциальности, показатели неожиданности, неопределенные и слабоопределенные местоимения, предикаты сходства и подобия, показатели идентификации	Ограничение точки зрения	Читатель приобщается к границам точки зрения фокального субъекта	Создается атмосфера напряжения, догадки, саспенса для читателя

3. Модальные эгоцентрики (слабое – сильное «привязывание» содержания высказывания к реальности)			
Средства реализации	Семантика	Прагматика	Эффект выдвигения
Средства выражения оптативной, алетической, деонтической модальности	Отношение точки зрения к положению дел	Читатель оценивает то, как в рамках точки зрения связаны высказывание и мир	Внимание привлекает наиболее возможное и наиболее активное изменение положения дел
4. Интерактивные эгоцентрики (имплицитная – эксплицитная направленность на адресата)			
Средства реализации	Семантика	Прагматика	Эффект выдвигения
Персональные дейктики (в частности, выбор повествования от первого или третьего лица), конструкции со значением эксклюзивности / инклюзивности субъекта, метатекст, обобщающие высказывания, средства выражения социальных смыслов, обращения.	Взаимодействие точек зрения	Читатель соотносит опыт фокального субъекта с собственным, получает инструкции по работе с текстом, позиционирует себя по отношению к носителю точки зрения	Наибольшее внимание привлекает непосредственная апелляция к адресату

Табл. 1. Сферы эгоцентрики

В рамках первой сферы объединены эгоцентрики, сопряженные как с перцепцией, так и с интерпретацией описываемых в тексте событий. Граница между перцепцией и интерпретацией условна (как отмечала Н.Д. Арутюнова, в основе любой перцепции лежит

определенная таксономия [Арутюнова, 1999, с. 419–420], ср. высказывания *Я вижу дерево* и *Я вижу яблоню*). Показатели субъективности восприятия и интерпретации воспринятого тесно взаимодействуют в текстах, конструируя определенную точку зрения на действительность, то есть осуществляя фокализацию, по Ж. Женетту. Включенные в эту сферу эгоцентрики могут быть как аукториальными, так и персонажными: в первом случае они придают личностные черты образу повествователя или рассказчика, во втором – осуществляют субъективизацию нарратива, приближая его к точке зрения того или иного героя.

Вторая сфера группирует средства, связанные со знанием или не-знанием информации, а также переходом от незнания к знанию, опoznанию, узнаванию. Поскольку всю информацию о событиях, описанных в тексте, читатель получает опосредованно, его точка зрения вынуждено ограничена. Приобщаясь к знанию, которым обладают текстовые субъекты (повествователь или персонажи), он может верифицировать эту информацию или проверить свои догадки только с опорой на представленные точки зрения. Языковые средства, очерчивающие степень и характер осведомленности фокальных персонажей о происходящих событиях, взаимодействуют, формируя интригу, влияя на читательские ожидания.

В третью сферу эгоцентрии включены средства, характеризующие отношение той или иной представленной в нарративе точки зрения к описываемому положению дел. Повествователь и персонажи не только констатируют ситуации, они могут стремиться к их изменению, и арсенал средств выражения разных типов модальности задействуется для того, чтобы зафиксировать связь высказываний и мыслей героев с фикциональным миром. Интенции фокальных субъектов выражаются прямо и косвенно, вступают в конфликт, реализуются и изменяются, формируя динамику сюжета, удерживая внимание читателя.

Четвертая сфера охватывает средства, ориентирующие нарратив на читателя. Это, в первую очередь, персональный дейксис, оформляющий перспективу повествования (как перволичного, так и третьеличного), конструирующий (эксплицитно или имплицитно) потенциальную позицию внетекстового адресата и внутритекстовые точки зрения, к которым он может приобщаться. Средства, относимые к этой сфере, взаимодействуют, апеллируя к опыту и знаниям читателя, а порой и моделируя его действия с текстом.

Прагматика эгоцентриков, принадлежащих к каждой из выделенных сфер, особенно ярко высвечивается в контексте преобразований, которые происходят с нарративом при переводе. Опускание, добавление, изменение эгоцентрических средств тесно связано с тем, как переводчик воспринял перспективу оригинального текста и эффект реализованных в нем субъективных смыслов. Намеренная концентрация эгоцентриков может приводить к выдвиганию фрагмента текста, привлекая внимание читателя к тем элементам, которые не были акцентированы автором исходного текста. Сравнивая варианты русского перевода одного произведения, можно увидеть, как активно взаимодействуют эгоцентрики в рамках каждой из сфер, а также наблюдать связь выделенных сфер друг с другом.

**Взаимодействие эгоцентриков в рамках выделенных сфер:
результаты сопоставительного исследования
вариантов переводного нарратива**

Приведенная выше классификация эгоцентрических элементов нарратива разработана с опорой на результаты сопоставительного исследования русских переводов англоязычных произведений в рамках трех жанровых групп (приключенческая проза, философско-ироническое повествование, социально-психологический нарратив, всего 29 оригинальных текстов и 126 русских переводов).

В данной статье мы кратко представим материалы анализа русских переводов романа Марка Твена «Приключения Тома Сойера», иллюстрирующие различные случаи взаимодействия эгоцентриков. Оригинальный текст романа представляет собой субъективированный нарратив, в котором точка зрения повествователя часто приближается к позиции того или иного персонажа: Тома, тети Полли, Гека, Бекки и т.д. В романе немало вкраплений несобственно-прямой речи, где используется персонажный дейксис, эмотивно и оценочно окрашенные номинации и конструкции, а средства выражения модальности реализуют интенции персонажей и степень их осведомленности. Отображая приемы субъективизации в русских переводах романа (с 1896 по 2011 год было опубликовано 13 версий), переводчики активно используют эгоцентрики, при этом ведущим принципом выбора таких элементов оказывается не семантическая эквивалентность, а функциональное сходство. Так, рецептивные эгоцентрики могут «поддерживать» и даже заменять друг друга, обеспечивая при этом фокализацию на протяжении всего фрагмента текста. Ср.:

<p>Now the raft was passing before the distant town. Two or three glimmering lights showed where it lay, peacefully sleeping, beyond the vague vast sweep of star-gemmed water, unconscious of the <i>tremendous event</i> that was happening.</p>	<p>Теперь плот проходил мимо Сент-Питерсберга. Два-три мерцающих огонька виднелись там, где над широкой туманной гладью реки, усеянной отражающимися звездами, дремал городок, не подозревая о том, какое <i>важное совершается событие</i>. (Пер. Н. Дарузес)</p>
	<p>Как раз в это время они проходили мимо <i>своего</i> городка, который был теперь так далеко. Городок мирно спал. <i>Только</i> по двум–трем мерцающим огонькам можно было угадать, где он лежит — над широким туманным простором воды, усеянной алмазами звезд. Спящим жителям и в голову не приходило, какое <i>великое событие совершается в эту минуту</i>. (Пер. К. Чуковского)</p>
	<p>Вскоре на дальнем берегу показался городок. <i>Лишь</i> пара-тройка мерцающих огоньков указывала, где он раскинулся, мирно спящий за огромным, смутным, усыпанным звездами простором воды, ничего не ведающий о свершающемся на реке <i>великом событии</i>. (Пер. С. Ильина)</p>

Переводчики используют разные наборы темпоральных и пространственных дейктиков (жирный шрифт), интерпретируя оригинальные *now* и *distant*. У Н. Дарузес привлекаются слова *теперь* и *там*, К. Чуковский вводит два темпоральных указателя, ориентированных на момент восприятия (*в это время, в эту минуту*), эмоционально усиливая локативный показатель *так далеко*, С. Ильин использует обороты с пространственным значением (*на дальнем берегу, за простором воды*). Эти средства локализации наблюдателя поддерживаются не только авторизующими глаголами (у Чуковского еще и притяжательным местоимением) (жирный курсив), но и оборотами с оценочной семантикой (курсив), которые вкупе позволяют читателю безошибочно определить носителя точки зрения – Тома.

Взаимодействие рецептивных эгоцентриков можно наблюдать и при изучении определенной переводческой стратегии. На фоне существующих переводов романа выделяется версия, созданная К. Чуковским: она превышает остальные по количеству дейктиков и форм нарративного презенса. Отметим, что Корней Иванович несколько раз редактировал перевод с 1935 по 1959 годы, увеличивая количество таких элементов в тексте [Уржа, 2016]. В стремлении еще больше приблизить приключенческий нарратив к читателю, Чуковский

расширяет сферу действия авторского приема: добавление дейктиков создает эффект дополнительного выдвижения фрагментов повествования, вовлекая читателя в происходящее, «приближая» к нему описываемые события, приобщая его к точке зрения фокальных персонажей.

<p>He had shoes on – and it was only Friday.</p>	<p>На ногах у него были башмаки, даром, что сегодня еще только пятница.</p>
<p>The new boy took two broad coppers out of his pocket and held them out with derision. Tom struck them to the ground.</p>	<p>Чужой мальчик вынимает из кармана два больших медяка и с усмешкой протягивает Тому. Том ударяет его по руке, и медяки летят на землю.</p>
<p>In fact, everything seemed to be drifting just in the right direction, now; the treasure must be still in No. 2, the men would be captured and jailed that day, and he and Tom could seize the gold that night without any trouble or any fear of interruption.</p>	<p>Да, дела как будто складываются очень неплохо: сундучок, должно быть, до сих пор остается в номере втором, обоих негодяев поймают сегодня же и посадят в тюрьму, а нынче ночью он и Том без хлопот, никого не боясь, пойдут и захватят все золото.</p>

Показательно, что в переводах, повышающих количество дейктической и перцептивной лексики, возрастает и объем слов с оценочной и эмотивной составляющей. Тетя Полли (*aunt Polly*) в переводе К. Чуковского гораздо чаще, чем в других русскоязычных версиях романа, именуется *теткой* и *старухой* – сфера повествователя приближается к точке зрения Тома в ситуации очередного семейного конфликта. Новый нарядный мальчик, которого задирает Том, называется *чужим* (в оригинале – *the new boy*), поссорившись с Бекки, герой рассуждает о *девчонках* (ср.: *That's just like a girl*), Индеец Джо и его помощник, унесшие клад, названы *негодьями* (ср.: *the men*) и т.п. Таким образом, различные рецептивные эгоцентрики возрастают в количестве в тех фрагментах перевода К.И. Чуковского, где активизируется внутренняя фокализация и точка зрения героя выдвигается на первый план.

В романе активно задействуется и сфера эпистемических эгоцентриков. «Остросюжетность» этого произведения во многом обусловлена тем, что читатель вместе с героями строит догадки, томится в ожидании, сталкивается с неожиданным. Эгоцентрики,

ограничивающие точку зрения героя, также работают на создание эффекта субъективизации. Возможно, поэтому дейктические слова и показатели неожиданности нередко встречаются рядом (как в оригинале, так и в переводах): *Но тут опять пошли сухие рассуждения, и муки Тома возобновились. Вдруг он вспомнил, какое у него в кармане сокровище, и поспешил достать его оттуда* (Пер. Н. Дарузес)

Выделяя стратегию К.Чуковского (не как наиболее удачную, а как показательную в плане использования исследуемых нами средств), отметим, что в кульминационных фрагментах нарратива он добавляет эпистемические эгоцентрики: как обороты, обозначающие степень уверенности, так и показатели неожиданности. Ср.:

<p>He got out his worldly wealth and examined it—bits of toys, marbles, and trash; enough to buy an exchange of work, maybe, but not half enough to buy so much as half an hour of pure freedom. So he returned his straitened means to his pocket, and gave up the idea of trying to buy the boys. At this dark and hopeless moment an inspiration burst upon him!</p>	<p>Он вытащил все свое земное богатство и принялся его разсматривать; были тут игрушечные обломки, камешки, всякая дрянь. Всего было достаточно, может быть, чтобы добиться обмѣна на другую работу, но слишком мало для того, чтобы купить себѣ полчаса полной свободы. Он спрятал снова в карман эти скудные средства и отказался вовсе отъ мысли подкупить товарищей. Но въ эту тяжелую и отчаянную минуту его осѣнило вдохновение. (Пер. С. Воскресенской)</p>
	<p>Он вынул из карманов свои сокровища и стал рассматривать их: обломки игрушек, шарики и тому подобная рухлядь; всей этой дребедени, пожалуй, достаточно, чтобы оплатить три – четыре минуты чужого труда, но, конечно, за нее не купишь и получаса свободы! Он снова убрал свое жалкое имущество в карман и отказался от мысли о подкупе. <i>Никто из мальчишек не станет работать за такую нищенскую плату.</i> И вдруг в эту черную минуту отчаяния на Тома снизошло вдохновение! (Пер. К. Чуковского)</p>

В переводе К.Чуковского, по сравнению с оригиналом и вариантом С.Воскресенской, появляется не только показатель неожиданности, но и фрагмент несобственно-прямой речи с оценочным словом и формой времени, ориентированной на момент размышления (курсив). Оба переводчика воспроизводят содержание

фокализованного фрагмента, однако Чуковский конденсирует эгоцентрики, акцентируя субъективирующий прием.

В романе М. Твена реализуется и набор интерактивных эгоцентрических элементов, «направленных» к читателю. В тексте создается нарративная рамка, где повествователь обозначает себя (*Я видел однажды более благовоспитанный церковный хор, однако теперь уж забыл – где именно* (Пер. С. Ильина)), вводятся прямые апелляции к читательскому опыту (*Читатель, вероятно, припомнит, как это делается, если был когда-нибудь мальчиком.* (Пер. М. Энгельгардта)), называются действия автора и читателя (*Вернемся теперь к Тому и Бекки и посмотрим, что делали они на пикнике.* (Пер. К. Чуковского)), вводятся обобщающие сентенции, даются метатекстовые комментарии при помощи сносок. И в оригинале, и в переводах такие средства взаимодействуют в рамках фрагментов, например: «Вопиющей неискренности этих назиданий явно не хватало для того, чтобы изгнать моду на них из школы; не хватает ее и **ныне**, да, верно, куда стоит **наш** мир, так и не хватит. <...> внимательно приглядевшись, **вы** обнаружите, что самые пространные и безжалостно благочестивые <(назидания)> выходят из-под перьев наиболее распушенных и наименее религиозных школьниц. Но довольно об этом. **Горькая правда не всякому по вкусу.** Вернемся к «экзамену» (пер. С. Ильина). В целом переводчики следуют за оригиналом, однако в некоторых случаях добавляют эксплицитные эгоцентрические показатели, и тогда образ повествователя дополнительно выделяется, ср. с оригиналом варианты К. Чуковского и Н. Дарузес:

Let us return to the «Examination».	Давайте вернемся к экзаменам.	Лучше вернемся к экзаменам.
So endeth this chronicle.	Так кончается эта хроника.	Наша летопись окончена.

Итак, исследование оригинала и русских переводов романа Марка Твена демонстрирует взаимодействие эгоцентриков в рамках различных сфер. Интерпретируя персонажные эгоцентрики, переводчики воспроизводят фокализацию фрагментов нарратива при помощи несинонимичных, но функционально близких средств. Стремление переводчиков расширить авторский прием, подчеркнуть субъективизацию текста приводит к конденсации изофункциональных эгоцентрических средств – последовательную стратегию такого рода мы наблюдаем в переводе К. Чуковского. Аукториальные эгоцентрики,

направленные к читателю, воспроизводятся во всех переводах, но могут получать больше или меньше эксплицитных средств выражения.

Анализ вариантов перевода нарративов на русский язык убеждает нас в том, что эгоцентрики необходимо изучать в их взаимодействии: эти средства нуждаются в изофункциональном окружении, они работают «в связке», которая формируется на основе не семантической, а прагматической близости. Именно такой ракурс исследования поможет уточнить связь различных сфер эгоцентрии с текстовыми жанрами, с идиостилиями авторов, оценить эффект замен и компенсаций, производимых переводчиками.

Литература

- Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1999.
- Кочкинкова А.В. Особенности экспликации личностных смыслов при переводе английских безличных и посессивных предложений (эмпирическое исследование) // Филология и человек. 2017. № 4.
- Онипенко Н.К. Модель субъектной перспективы и проблема классификации эгоцентрических средств // Проблемы функциональной грамматики. Принцип естественной классификации. СПб., 2013.
- Падучева Е.В. Семантические исследования. М., 1996.
- Падучева Е.В. Эгоцентрические единицы языка. М., 2018.
- Сидорова М.Ю., Лингарт А.А. Грамматика современной русской поэзии: субъектная перспектива, предикативные категории, модусные рамки. (Часть 1) // Филология и человек. 2018. № 3.
- Уржа А.В. Первый план и фон нарратива: направления зарубежных исследований в сфере лингвистики и переводоведения // Slověne = Slovĕne. International Journal of Slavic Studies. 2018. № 2.
- Уржа А.В. Русский переводной художественный текст с позиций коммуникативной грамматики. М., 2016.
- Шмелева Т.В. Смысловая организация предложения и проблема модальности // Актуальные проблемы русского синтаксиса. М., 1984. Вып. 1.
- Hatim B., Mason J. The Translator as Communicator. London, 1997.

References

- Arutyunova N.D. *Yazyk i mir cheloveka* [The Language and the World of a Man]. Moskva, 1999.
- Kochkinekova A.V. *Osobennosti eksplikatsii lichnostnykh smyslov pri perevode angliyskikh bezlichnykh i posessivnykh predlozheniy (empiricheskoe issledovanie)* [Explication Peculiarities of Personality Senses in the Process of Translation of Impersonal and Possessive Sentences (empirical research)]. *Filologiya i chelovek* [Philology & Human]. 2017. No. 4.
- Onipenko N.K. *Model' sub'ektnoy perspektivy i problema klassifikatsii egotsentricheskikh sredstv* [Model of Subject Perspective and the Classification of Egocentric Means]. *Problemy funktsional'noy grammatiki*. [Issues of Functional Grammar]. Sankt-Peterburg, 2013.
- Paducheva E.V. *Semanticheskie issledovaniya* [Studies in Semantics]. Moskva, 1996.

Paducheva E.V. *Egocentricheskie edinitsy yazyka* [Egocentric Units in the Language]. Moskva, 2018.

Sidorova M.Yu., Lipgart A.A. *Grammatika sovremennoy russkoy poezii: sub"ektnaya perspektiva, predikativnye kategorii, modusnye ramki. (Chast' 1)* [Grammar of Modern Russian Poetry: Subjective Perspective, Predicative Categories, Modus Frames (Part 1)]. *Filologiya i chelovek* [Philology & Human]. 2018. No. 3.

Urzha A.V. *Pervyi plan i fon narrativa: napravleniia zarubezhnykh issledovaniy v sfere lingvistiki i perevodovedeniia* [Foreground and Background in a Narrative: Trends in Foreign Linguistic and Translation Studies]. *Slověne = Slovĕne. International Journal of Slavic Studies*, 2018. No. 2.

Urzha A.V. *Russkiy perevodnoy khudozhestvennyy tekst s pozitsiy kommunikativnoy grammatiki* [Russian Literary Translation in the View of Communicative Grammar]. M., 2016.

Shmeleva T.V. *Smyslovaia organizatsiia predlozheniia i problema modal'nosti* [Semantic Organization of a Sentence and the Concept of Modality]. *Aktual'nye problemy russkogo sintaksisa* [Actual Issues of Russian Syntax]. Moskva, 1984. Iss. 1.

Hatim B., Mason J. *The Translator as Communicator*. London, 1997.

АНАЛИЗ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ГЛАГОЛА ИНФОРМИРОВАНИЯ ДЛЯ ВЫРАЖЕНИЯ КАТЕГОРИИ ПЕРЕСКАЗЫВАТЕЛЬНОСТИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Г.Ф. Лутфуллина

Ключевые слова: пересказывательность, глагол информирования, синтаксическая конструкция.

Keywords: reportative category, informing verbs, syntactic structures.

DOI 10.14258/filichel(2019)4-05

Косвенная эвиденциальность предполагает опосредованное получение информации от третьих лиц. В этом состоит ее коренное отличие от категории «прямой» эвиденциальности, предполагающей личное восприятие. Оба термина широко приняты в зарубежной научной литературе – direct / indirect evidentiality. Ядро категории косвенной эвиденциальности составляет категория пересказывательности или reportative category / категория репортативности. Мы сознательно отказались от введения нового термина и, вслед за целым рядом ученых, используем термин пересказывательность.